

Беседа митрополита Антония о Литургии, 1967 г.

(VIII беседа из цикла «О Божественной литургии»)

В прошлой беседе я попробовал показать, как различные молитвы, различные ектеньи в течение Литургии располагаются по отношению к основным событиям Литургии, давая новую глубину и новое содержание прошениям, молитвам и отношениям, которые существуют и без них, но получают новую глубину в этом сопоставлении. Меня просили вернуться еще к вопросу, который мне кажется очень важным, о роли человеческих чувств, о человеческих отношениях в Литургии.

Если вы помните, я указывал на то, что Литургия начинается словами *Благословенно Царство, Царство Отца, Сына и Святого Духа, царство*, самым содержанием которого, внутренним двигателем и законом является любовь. И в ответ на этот призыв, на этот зов вознести Богу хвалу за Его Царство, Церковь отвечает молитвой, которая является делом конкретной, вдумчивой любви по отношению ко всем людям, ко всем нуждам. Эта молитва — великая ектеня, с которой начинается Литургия. И те же нужды, но в различных видах будут уже дальше представляться в связи с малыми ектеньями, в виде тех молитв, которые читает священник.

Второй поворотный пункт, который по-новому оттеняет молитвенное сознание верующих, — это чтение Евангелия. В начале Литургии после ектеньи идет поучительная часть. В древности она начиналась чтением Ветхого Завета, теперь от Ветхого Завета остается только прокимен, несколько стихов, «аллилуйя» и опять несколько стихов, которые выбраны из-за пророческого, вечного их значения. Затем следует чтение Апостола и чтение Евангелия. И вот после Евангельского чтения вопрос ставится перед каждым из нас: если это чтение было не напрасно, что мы из этого чтения извлекли? Разумеется, из каждого конкретного чтения мы извлекаем конкретные уроки, но из всякого Евангельского чтения мы слышим Божий призыв к любви, любви к Богу и любви к людям, сливающейся в единственный опыт Божественной любви, которой нам дано приобщиться. И тут начинается снова ряд молитвенных криков, взываний: это сугубая ектеня, где молятся о всех людях. Затем ектеня, которая посвящена как будто наиболее беспомощным в этом отношении — усопшим. Мы можем за них молиться, мы можем жить так, чтобы в какой-то день стать перед Богом их оправданием, поэтому специальная молитва о них возносится. Затем о людях, которые тоже по-своему беспомощны — это те, которые услышали призыв Божий, стали оглашенными, то есть стоят у самой ограды Церкви, но в Церковь еще не приняты по неподготовленности, потому что они не прошли через тайну Крещения. За них особенно молятся, потому что их нужда должна особенно трогать наши сердца и нас волновать.

Затем молитвы снова сосредотачиваются на одной нужде в двух ее выражениях. Эта нужда вот в чем: верующие, которые собрались в храме, через несколько минут приступят к совершению таинства Евхаристии, а это нечто, чего человеческими силами не осуществить. Человек, стоящий здесь, находится на той грани, через которую переступает Бог, чтобы принести небесную тайну на землю к нам. И вот собравшиеся люди молятся, с одной стороны, о себе, потому что страшно предстоять перед совершением тайны. Мы недостаточно отдаем себе в этом отчет, но если мы могли бы пережить, как переживали святые, веяние Святого Духа, если мы могли бы прочувствовать, что сейчас тайносовершителем является Сам Господь, потому что человек не может совершить то, что будет совершаться, то, конечно, мы с большим трепетом предстояли бы в безмолвии перед тем, что совершается.

И вот народ молится, вернее священник от имени народа в тайной молитве возносит специальное прошение о том, чтобы было дано этому народу предстоять, чтобы этим людям было дано не в суд и не в осуждение причаститься Тайн. И затем, во второй молитве, — о том, чтобы было дано священникам, как добрым строителям тайн Господних, совершить таинство. Здесь тоже все течет от нового евангельского откровения о любви. С одной стороны, в Евангелии нам открывается Божия любовь, которая переливается в наши души и нас учит относиться друг ко другу так, как относится Сам Господь. С другой стороны, именно оттого, что нам открывается эта

глубина Божественных действий, мы сознаем, что стоим на грани, перейти которую своими силами мы не можем.

Затем третий поворотный пункт: освящение Святых Даров, после чего снова льется молитва, которая до своего предела дойдет, именно молитва любви перед тем, что совершилось, когда народ будет петь *Отче наш*. А что совершилось — мы видим воочию: мы видели великий вход, о котором мы уже говорили, мы видим на престоле Тело и Кровь Господни разъединенные, подчеркивающие заклание Агнца, излияние крови, смерть. И перед совершившимся мы снова возносим Богу молитвы о том, чтобы Его жертва была не напрасна. Мы принесли то, что по человечеству могли принести, и молим, чтобы Господь нам даровал Дух, и чтобы все люди получили помилование, и все нужды встретили Господню заботу. И в конечном нашем излиянии, в крике души поется молитва Господня, *Отче наш*. Я об этом вам только напоминаю, потому что об этом говорилось подробно в прошлый раз. Очень нам важно помнить, что Литургия есть «небо на земле», как ее называл Иоанн Кронштадтский. Все земное является содержанием и предметом литургической молитвенной тайносовершительной заботы, но, с другой стороны, это не только ряд человеческих молений, это событие чисто небесное, с которым переплетается земное именно так, как в деле спасения переплетается земное и небесное.

Теперь если поставить себе вопрос о том, что же чисто божественное, какие тут действия совершаются, где мы можем видеть почти воочию действующего Бога, то можно несколько моментов выдвинуть. Первый — это основной общий момент: Церковь не является просто земным обществом, это общество сложное, это общество одновременно и равно земное и божественное, человеческое и божеское. И то, что совершается в Церкви, принадлежит одновременно двум мирам. В Церкви есть человеческий момент, но он не ограничивается только нами. Когда мы смотрим на Церковь в нашем лице, она действительно представляется как хрупкое, шаткое, ищущее общество людей. Но это только один аспект Церкви, притом даже один из аспектов только человечества в Церкви, потому что в Церкви есть один Человек, который принадлежит до конца земле и одновременно принадлежит до конца небу, — это Господь Иисус Христос. Он истинно и подлинно Человек, но Он и истинно, подлинно Бог. Оставляя на минуту мысль о Его Божестве, если мы подумаем о Его человечности, о человечестве в Нем, то увидим, что, как Священное Писание нас учит, как опыт нас учит, Он является человеком, во всем подобным нам, за исключением греха (Евр 4:15). Нет ничего человеческого, что было бы Ему чуждо, кроме отпадения от Бога, отречения от Бога, активного безбожия, которое есть в конечном итоге корень всякого греха. Но, с другой стороны, Он являет нам не просто одного из множества людей, а в Его лице является образ того, чем человек может быть: все, чем человек может быть, мы находим в Его лице. И в Церкви мы видим человечество в двух видах, падшем и истинном. Мы видим человечество, какое мы есть, и мы видим человечество, каким оно может быть, потому что оно явлено во Христе. К этому можно добавить, что еще одно лицо в Церкви уже осуществило эту дивную человечность — это Божия Матерь.

Мы видим таким образом, что даже в своем чисто человеческом аспекте Церковь не является только эмпирическим обществом, которое мы знаем в опыте жизни, но в ней явлено, *что* такое человек в окончательном, совершенном, полном смысле слова. Церковь в этом отношении принадлежит и нынешнему веку, и будущему веку, и полноте и не-полноте. Мы еще не выросли в свою меру, но эта мера человека нам дана во Христе. Мы можем ее созерцать, познавать и уподобляться Ему. Но я сказал уже, что во Христе, как Священное Писание нас учит, *обитала полнота Божества телесно* (Кол 2:9), и таким образом даже если думать о Церкви только по отношению ко Христу, она не является обществом людским, она является человеческим и божественным обществом одновременно. Но, кроме того, мы знаем и другое. У нас есть два рассказа; один в 20-ой главе Евангелия от Иоанна, и другой в начале книги Деяний Апостольских, о том, как Дух Святой вошел и восстановился в Церкви, наполнил Собой Церковь.

Первый рассказ нам показывает вечер Христова воскресения; Спаситель явился Своим ученикам, Он дунул на них и сказал "Примите Святого Духа." И это действительно и реальный

дар, только этот дар Святого Духа тогда был дан всей апостольской совокупности, Дух Святой был дан единству церковному. Никто из апостолов Его не получил лично, никто из них Им не обладал лично. Вы, наверное, помните о том, как Фомы не было в этот вечер с ними, но когда он вернулся к ним, ему не было нужды получать отдельно этот дар Святого Духа, который всем был дан. Он, Фома был приобщен этому богатству, потому что он принадлежал церковному единству. И, с другой стороны, впоследствии, все, входившие в апостольский круг, который всё ширился, расширялся и учителями и проповедниками и верующими, все делались причастниками этого дара Святого Духа, который есть живое, действенное присутствие Святого Духа внутри Церкви.

В книге Деяний мы видим другое. Это рассказ о том, как члены этой Церкви, в которой живёт Святой Дух, когда они выросли в ту меру, которую им определил Господь, каждый порознь, каждый лично получил дар Святого Духа и вошел с Ним в небывалое до того соотношение (Деян 2:3), стал, как апостол Павел говорит, лично, каждый храмом Святого Духа (1 Кор 3:16). И тут мы видим, что и в Духе Святом Церковь Божественна, но одновременно знаем, что этот неизреченный дар мы носим в глиняных сосудах, как говорит апостол Павел (2 Кор 4:7), потому что Святой Дух присутствует в Церкви в нашей исторической реальности, в нас, хрупких и порой очень хрупких храмах, Он живет и действует. И тут тоже, не только во Христе, но и в Духе, вечное и временное, историческое и неизменное, человеческое и Божественное соединены как бы крепким узлом, неразделимо, одно действует в другом и через другого.

И, наконец (и здесь я буду очень краток и только укажу на эту тайну), Священное Писание нас учит, что во Христе и действием Духа Святого мы входим в совершенно новое отношение с Богом и Отцом. Послание к колоссянам нам говорит, что наша жизнь сокрыта со Христом в Боге (Кол 3:3). Спаситель, в конце одиннадцатой главы Евангелия от Матфея нам говорит: *вся Мне предана суть Отцем Моим, и никто не знает Сына кроме Отца и никто не знает Отца кроме Сына, и тот, кому, если того захочет Сын, Он это откроет* (Мф 11:27). И это дало основание одному из древних отцов Церкви, Игнатию Антиохийскому, указывать, что, соединяясь уже неразлучным единством со Христом через Крещение, через Причащение Тайн, через жизнь церковную в ее совокупности, мы делаемся вместе со Христом тем, что он называет «всецелым Христом», подчеркивая, что Христос, опять-таки по учению апостола Павла, является главой, мы являемся членами (1 Кор 12:12) и вместе составляем всецелое явление Человека с большой буквы, в полном смысле слова, нарастающее в мире. А по отношению к Отцу, следуя учению Священного Писания, вы наверно помните то место, где говорится, что Дух Святой воздыханиями неизреченными молится в нас и учит нас взывать к Отцу словами *Авва, Отче* (Рим 8:15; Гал 4:6), то есть именно теми словами, которые Христос употребляет по отношению к Отцу. Духом Святым мы делаемся по отношению к Богу сыновьями, родными детьми не только потому, что мы принадлежим Христу, но и потому что приобщены Христу.

Часто подчеркивается, что Священное Писание говорит: вы дети по приобщению, а Христос едиnorodный Сын (Рим 5:11; Гал 4:4—7). Я думаю, мы слишком подчеркиваем то, как мы делаемся детьми Божиими, и забываем, что Бог различения не делает между Своими детьми. Этим объясняется то, что святой Ириней Лионский так смело говорит, что Духом Святым, делаясь едиными со Христом, мы, в конечном итоге, призваны не только быть общниками Божественной природы, как говорит апостол Петр (2 Пет 1:4), но *едиnorodным сыном Божиим*¹. Всецелый Христос, глава и члены, вошедшие в это неизреченное соотношение со Отцом, — вот какова Церковь, в которой совершается таинство.

После этого не удивительно, что можно говорить о Церкви как о небе на земле, как о тайне будущего века, потому что будущий век, то есть вечность, присутствует и действует в Церкви, в которой мы живем. И таинства церковные являются подлинно Божественными действиями, такими действиями, которые возможны в самой Церкви и невозможны вне нее, в том смысле, что это не прорывы как бы Божественной власти и силы, поработавшие себе тварь, которая иначе была бы

¹ Ириней Лионский. Против ересей, 3:10:2. СПб: 1900 (репринт 1996), с. 240.

непослушной. Это значит, что в пределах тайны церковной, где хотя бы волей, хотя бы в намерении уже восстановлена гармония между Богом и нами, Бог свободно и беспрепятственно может действовать, в полную меру Его Божественной власти и в меру нашей веры.

Теперь, если на это так смотреть, то первое, что надо подчеркнуть, это нечто о чем я уже раньше говорил. В начале литургии есть слова, которые на славянском языке звучат "*се, время сотворити Господеви*", которые дьякон говорит священнику. Греческий текст еще может быть темней, чем славянский перевод, но темней по-иному, и его можно перевести равно "Время теперь служить Богу", но можно тоже перевести, и это перевод, который мне был дан на Афоне одним из тамошних монахов "время настало Богу действовать". И действительно это так, потому что в проскомидии, приготовительной части службы, сделано все, что по-человечески можно сделать — народ собрался, священник и другие служители облачились, приготовились, хлеб и вино поставлены, молитвами всё это освящено.

Что же остаётся? Остаётся, чтобы этот хлеб стал Телом Христовым и это вино — Кровью Господней. И этого никакие человеческие ухищрения сделать не могут; никакие тайносовершительные молитвы, никакие обрядовые действия, ничто не может совершить этого чуда. Это может быть совершено только непосредственным действием Господним, иначе это не будет совершено вовсе. И поэтому, разумеется, священник и дальше будет читать молитвы, будут совершаться какие-то действия тайносовершительные и обрядовые — не в них сила и не на них надежда; надежда только на то, что то общество среди которого это совершается, общество, где Бог и люди вместе совершают тайну и где Господь совершает Сам то, что человек на земле не может совершить.

И вот это корень и центр всего: тайносовершитель всякого таинства в конечном итоге только Господь Иисус Христос внутри Церкви, которая является Его телом, Его живым, видимым, осязаемым присутствием Силой и действием Святого Духа, Который в этом Теле живет и присутствует, но всё равно, это всё дела и действия Божественные. И теперь, если посмотреть на то как, более или менее выпукло, это высказывается, то есть моменты, которые как бы наглядно подчеркивают, что теперь действует и говорит Господь. Чтение Евангелия: читает, правда, дьякон или священник, но слово Божие. Момент освящения Святых Даров: молится Церковь, чтобы Святой Дух сошел и освятил: священник молитвенно и просительно благословляет хлеб и вино, и вместе чашу и дискос, и мы верим, что Святой Дух совершает тайну. Здесь такие моменты, где мы видим, что это освящение принадлежит Самому Богу, потому что здесь не в порядке как бы объявления, а в порядке просительной молитвы мы обращаемся к Богу. То же самое можно бы сказать и о других таинствах. Скажем, в католичестве священник говорит "я крещаю тебя"; в Православной Церкви мы говорим "крестится раб Божий" и можно было бы сказать "я его погружаю, а Господь над ним совершает чудо его приращения к Телу Христову". И это очень важно.

И вот если теперь посмотреть на эти оба ряда, с одной стороны человеческих наших воздыханий, молений, устремлений, и, с другой стороны, действий Божиих, мы видим, что они оба идут параллельно. Бог действует, человек отзывается и можно идти шагом дальше. Мы ответили на первый призыв "Благословенно Царство" любовью; мы можем подойти теперь к слышанию Евангелия. Мы на Евангелие отозвались состраданием, любовно, пониманием по отношению ко всем, которые перед лицом Божиим сейчас, живым и усопшим, мы можем двинуться шагом вперед и произнести символ веры, потому что этот Символ веры это выражение нашей веры в то, что Бог есть любовь, потому что Троица и любовь — одно и то же. И если это так, мы дальше можем идти в наших молитвах к совершению самого таинственного освящения хлеба и вина и к приобщению. И вот эти два ряда человеческого постепенного возрастания и Божиих призывов, — больше того: Божиих действий нас постепенно приводят к моменту, когда эти два ряда должны соединиться и встретиться для того, чтобы возможно было приобщение, когда и священник говорит "Святая святым" то есть то, что освящено — тем людям, которые освящены. Здесь совершается встреча этих двух рядов освященного постепенно освящаемого и теперь посвятившего себя Богу народа и

этих Тайн, которые Богом освящены. Есть кому принять Тайны — они встретились.
(Труды. Книга вторая. М.: Практика, 2007. С. 410 – 414).